

Обсудили с Золотухиным, что в школе не проходит

«КИНОМАСЛЕНИЦА» НА УЧМЕ

Мартовскую Родительскую субботу народный артист России Валерий Золотухин и его спутники по выезду на Учму гостей и участников фестиваля «Ярославская киномасленица» начали по-христиански. Попросив благословения у настоятеля храма святых Кассиана и Анастасии отца Алипия, Валерий Сергеевич поставил свечи, помолился за усопших. Внёс он свою лепту на нужды музея возрождаемой Учемской Кассиановой обители. Гости потрапезничали у батюшки. А когда выяснилось, что у хранителя музея Василия Смирнова, добрая молва о котором давно дошла до столицы, как раз в субботу день рождения, Василий Гурьевич был немедленно вызван к застолью.

Гости и хозяева соединили фестиваль «сухой паёк» с домашним угощением, церковный жаргон — с таманским сухим красным от президента фестиваля, «агента национальной безопасности», артиста Михаила Пореченкова. Наш собеседник Валерий Сергеевич сперва подпевал в хоре молодых артистов и тружеников пиара «Каравай, каравай, кого хочешь, выбирай», американскую величальную «Хеппи бэздей ту ю» и «Пусть бегут неуклюже» из мультфильма о дне рождения Крокодила Гены, а затем расправил плечи, набрал в грудь воздуха и выступил соло — напел русскую народную песню «Любезная хозяйюшка».

— Вот уж и не скажешь про эту песню, что она у всех и каждого на слуху, — для затравки заметили мы солисту под большим впечатлением от услышанного.

— Старинная, алтайская, — не полез за словом в карман Валерий Сергеевич. — История о том, как два солдата, верой и правдой отслужившие Отечеству двадцать пять лет, постучались в окно к солдатке, а она заждавшись своих мужиков, мужа и сына, что тоже ушли на службу царскую. «Любезная хозяйюшка, пусти нас ночевать», — просят незнакомцы. А она не открывает: «Печь-то, дескать не топила, хлебы не пекла». А они в ответ: «У нас свои сухарики, с водичкой поедим». В конце концов один из них и говорит: «Узнай, узнай, хозяйюшка, ты мужа своего», а другой продолжает: «Узнай, узнай, хозяйюшка, ты сына своего». В общем, вернулись мужики домой со службы. Великая песня о женской верности. Знаю её от родителей. Спел сейчас для Василия Гурьевича и молодой его супруги Елены, го-

ворят, они недавно поженились. Храни их Господь.

— Вы нам песню, а мы вам книжку, и не простую, а о тех самых местах, куда мы с вами сегодня попали. Называется «Лики четвёртого Рима».

— Благодарствую. Только я раньше думал, что третий Рим — это Москва, а четвёртому — не бывать, как говорили во времена собрания вокруг Москвы русских земель. Четвёртый, он где?

— Крайняя Московия, удельный Углич в золотой для него XV век. Тогда здесь свои владения заботливо обустроил родной брат московского властителя Ивана III князь Андрей Большой.

— Кто книгу написал?

— Хорошо бы вам с этим человеком познакомиться поближе. Писатель Владимир Гречухин со товарищи из Мышкина вместе с Гурьевичем обжила основанную пятьсот лет назад святым Кассианом Учемскую пустынь, до кирпичного крошева разорённую при Советах. Святой Кассиан, в миру греческий князь Константин — один из героев книги.

— Она о чём всё-таки?

— О том, чего до сих пор в школе не проходят, — о драме противостояния братьев — «самодержца», как называет автор Ивана, и «зиждителя», то есть создателя, Андрея, по злой воле брата сгнувшего в кремлёвских подвалах.

— Передайте Гречухину моё спасибо за слово «зиждитель». Ведь и хлебосольный отец Алипий, чьё жильё, как мы узнали, — это бывший магазин райпо, и Василий Смирнов — они и есть «зиждители» наших дней.

— Как тут ни вспомнить, Валерий Сергеевич, слова главного героя спектакля теат-

Фото Анны Луккиной

Хранитель музея на Учме Василий Смирнов, настоятель храма святых Кассиана и Анастасии о. Алипий и народный артист России Валерий Золотухин.

ра на Таганке «Жизнь Галилея» по Брехту, где когда-то я Высоцкого и вас вообще впервые увидел на сцене.

— Ну у вас и память. И что же сказал Галилей?

— «Печальна та страна, — сказал он, — которая нуждается в героях». Тогда мысль эта всем казалась ужасной крамоллой. Вы с Галилеем согласны?

— Подобные мысли меня всегда приводят в восторг. А с другой стороны... Конечно, печальна страна, если она нуждается в подвигах и героях. Они гибнут во благо, чтобы народ жил лучше, в добре, вере и достатке. На самом деле, нет ни одной страны, которая бы не нуждалась в героях. В том или ином смысле.

— А наша страна сегодня?

— Тем более нуждается в них наша многострадальная Россия. Нам герои сегодня просто необходимы.

— Они у нас есть?

— Ну, например, Василий Гурьевич. То, что он делает вдали от столиц — настоящее геройство.

— Гурьевича что ли можно ставить в ряд с рядовым Александром Матросовым?

— Матросов? Герой? Безусловно: закрыл грудью вражеский пулемёт, жизнь отдал за Отечество. На миру и смерть красна — это про него. Геройство Василия — другое, тихий подвиг души, золотых его рук. Вот так, как он, надо уважать место, где ты появился на свет. Не за деньги, не за награды старается, собирая «историю». Где ещё уви-

дишь такой музейный экспонат: монастырскую решётку, сквозь которую проросли ветки деревьев? Василий верен себе, потому что бессребренник, зиждитель.

— Если уж о душе зашла речь, то тогда давайте вспомним и ещё одно произведение, для нескольких поколений зрителей связанное с вашим именем — пушкинскую маленькую трагедию «Моцарт и Сальери» — вы же сыграли в ней обе роли. Пушкин ведь не историческую драму писал, разыгрывал в лицах два свойства человеческой души. Гений и злодейство — две вещи несовместные?

— Строка про гения и злодейство входит в пословицы-поговорки, и я бы сказал — в правила нашей жизни. «Две вещи несовместные» — и точка. В жизни гораздо всё сложнее. Знаем это хотя бы из истории искусства. По одной мрачной легенде Микеланджело — вот уж гений, так гений, когда расписывал Сикстинскую капеллу, страсти Христовы изображал с натуры. Чтобы те корчи видеть, в буквальном смысле пригвоздил своего любимого ученика. Каково? Так что зачастую гений и злодейство вещи как раз — совместные. Как две стороны души — сам выбирай, как жить.

— Как вам пришло в голову, чтобы Моцарта сыграла актриса вашего театра неотражмая Ирина Линдт, а вы — Сальери?

— Я уже об этом рассказывал журналистам. Просто ехал на

машине — и вдруг осенило: мы должны это сыграть! Даже пришлось остановиться, чтобы не задавить кого-нибудь от восторга. Моцарта я играл раньше, но всегда хотел прожить и судьбу Сальери, человека, который сам себя уничтожил. Но режиссёр мне всегда говорил, что я молод для этого. И вот свершилось.

— Среди читателей «Северного края» много ваших поклонников, они наверняка ждут, что я не упущу случая спросить у любимого артиста, в каких новых ролях мы его увидим.

— Только что сделаны 24 серии фильма по сатирической трилогии Сухово-Кобылина — называется картина «Полонез Кречинского». У меня там роль управляющего его именем. Замечательный, по-моему, фильм, трагифарс о проходимцах и проходимстве, не пропустите. Сейчас снимаюсь у Вадима Дубовицкого в «Иванове» по Чехову. У меня там бессловесная философская роль некоего несчастливца, её нет в пьесе.

— В театре новые роли будут?

— Журналисты обычно удивляются, когда я говорю, что играю то, что дают. Я им объясняю: воспитан в таком театре, где актёры мечтать не возбраняется, но репертуар диктует главный режиссёр, судьба актёра чаще всего зависит от его творческой воли. Так что мечтать — можно. Я мечтал о роли Павла I. И я её сыграл в театре Российской армии. Мечтал о Кине IV, и я его

сыграл у Трушкина, в «Антиризе Антона Чехова». Я не сыграл Городничего и сыграл его в Калуге. Только что, 25 февраля, показали спектакль в лом театре. Я всю жизнь мечтал выйти на его сцену. Ещё когда был мальчишкой, грезил: приду в Малый театр и сыграю Игорю Ильинскому: здравствуйте, вы будете играть Городничего, а я Хлестакова. Судьба порадовалась по-своему. В ГИТИС я попал на отделение оперы. Меня прочили в простак, место легендарного Владимира Шишкина, лёгкого, как крыло, эльфа. Не довелось мне внести свой вклад в развитие искусства оперетты. Ничего не подождал, стал драматическим актёром, начинал в театре Моссовета.

— На Таганке что-нибудь венькое вам светит?

— Любимов собирается поставить «Бориса Годунова». Там была у меня роль Григория Отрепьева, а теперь Юрий Грознич хочет, чтобы я играл Годунова.

— Отсюда рукой подать Углича, где погиб царевич Дмитрий, и к месту спросить вас: трагедия царя Бориса Пушкина — это история человека, способного страдать и умирать, даже не будучи винным?

— Относится ли сказание к Годунову, я не знаю. Именно это предусматривает православная вера. В жизни каемся разве потому только, что знаем за собой грехи? Думаю, человек только тогда человек, когда у него такая способность — просить прощения, не думая виноватым.

— О «Киномасленице» прощание что-то скажете?

— Только то, что такие благотворительные фестивали нужны хотя бы потому, что кинопроект как такового в России сейчас пор нет или, во всяком случае, он в провинции только начинается возрождаться. А в Союз кинематографистов, Движение кино вместе с принимающей стороной всё здорово придумали. В программе — новое кино много анимации. Что к чему зрителям перед сеансом объясняют режиссёры и артисты, в клубных посиделках можно увидетьное обсудить. Причём движение, как мы видим, двухстороннее. В таких поездках, как наша, столичным гостям в самый раз вздохнуть полной грудью и вспомнить, кто мы есть откуда родом.

С гостем общался
Юлиан НАДЕЖДИН